

Виктория Шохина

Салон

ВАШИ СТИХИ, вашу дружбу высоко ценят столь разные люди, как Иосиф Бродский и Александр Солженицын. При неизбывной российской склонности к «партиям», к «лагерям» это довольно удивительная вещь, не правда ли?

— Однажды я спросил Бродского: неужели его никогда не подмывало погрозить кулаком межукам и болтунам, что, с подачи нашей третьей эмигрантской волны, лают на Солженицына в американских леволиберальных газетах? Ведь, дескать, ты-то, Иосиф, не можешь не понимать, что такое Солженицын и что такое они. Он ответил исчерпывающе: «Юра, это не моя епархия». И тут же приватно отозвался о Солженицыне высоко.

... Творческие миры — миры не идеологические. По моим представлениям, они не противостоят, а дополняют друг друга. Есть литература свободная, бескорыстная, есть конъюнктурная, изначально рассчитанная на спрос, о ней нечего говорить. В литературе же свободной все находится в сложном и органичном взаимодействии, а не в антагонизме. Разница манер, отношений к слову и языку, разница мироощущений придают свободной литературе спектральную полноту.

— Уже сама юность ваша проходила под знаком свободы от всего советского. Спрошу, перефразируя вашу же строку из стихотворения памяти Клюева: «Сладко ль вам жилось под комиссарами?»

— Все мы, кто ощутил себя поэтами (ибо поэзия — это не просто «производство текстов», но именно мироощущение) уже после хрущевской оттепели, постепенно сложились в своеобразное братство, если не секту — со своим стилем жизни, своими правилами, даже со своими радениями. Многие, дабы служить Музе уже со всею бескорыстною полнотою, пошли в истопники, дворники, лифтеры, да так ими и остались, ею покинутые. Неорганизованный быт, алкоголь, страх перед КГБ расшатывали и здоровье, и нервы. Выжить было не просто. В ту пору поэт, не захотевший служить советской идеологии и соцреалистической эстетике, невольно становился подпольщиком, нелегалом. Помню, как в темноте, на бульварной скамье или в подворотне, подняв воротник, я передавал листочки с машинописью своих стихов иностранцам — для переправки в Париж или Нью-Йорк... Как будто речь шла о военной тайне! Потом на Лубянке здоровые, кровь с молоком, ребята, мои ровесники, часами у меня выпытывали: как оказались стихи на Западе? «Симбирский шакал — это вы о ком?» — «О Керенском! Он же из Симбирска! А вы что подумали?» и т.д. Работа у них такая: завербовать, посадить или выслать... Недавно я побывал в ФСК, в тех же комнатах на Кузнецком, куда когда-то таскали; мне показали протокол об уничтожении моего дела в ноябре 90-го. Там написано, что дело уничтожается, так как «в связи с проделанной работой» я постепенно в эмиграции от политики отошел. Они, оказывается, со мной «продельвали работу»!

— **Вот вы говорите: «Выжить было непросто»... И кто выживал?**

— Наиболее стойких и верных творчеству поддерживала фанатичная, можно даже теперь сказать, убежденность в своем призвании, в важности своего дела служения культуре России. Ибо за всем уродством жизни, под тоталитарным намордником мы различали черты той духовности, что жила в творениях русских классиков и религиозных философов. На уровне радио казалось, что коммунизма на нашу жизнь хватит, и освобождение — дело недалекого будущего. Но какая-то внерациональная надежда, что еще и мы увидим

ной, тоже нас не покидала. Нас грело ощущение своей миссии и отчасти иллюзорные представления о необходимости нашего творчества для окружающих. И то, и другое — важные стимулы для русского, по крайней мере, поэта.

— Известный американский славист Джон Глэд проводит вас по ведомству эстетов. А мне иногда кажется, что вас можно скорее назвать моралистом.

— Если понимать под определением уважаемого профессора Глэда любовь к красоте вне ее, так

щего ныне из людей последние духовные соки. Пронизывающий все и вся повышенный эротизм массовой культуры тоже не безобиден. Позвольте процитировать глубокое замечание Юрия Лотмана, с которым невозможно не согласиться: «Секс относится к физиологической стороне практической жизни; все переживания любви, связанная с ними выработанная веками символика, условные ритуалы — принадлежат культуре. Поэтому так называемая сексуальная революция, подкупающая устранением «предрасуд-

не прислуживаешь режиму. Теперь же неустраиваемость кажется скорее дуростью, во всяком случае, неудачливостью: коммуны нет, а ты все такой же нищий... Бывший нонконформист, под коммунистами даже сохранявший творческую независимость, втянут ныне в крутеж выживания и им перемолот. Теперь в своем творчестве он изначально вынужден рассчитывать на заказчика и лучше зарубежного — все же валюта. Как ни парадоксально, в свинцовые тоталитарные времена юноше, почувствовавшему се-

вался однажды: «Знали бы вы, каких усилий стоило научить этих попугаев произносить вместо «идейность и партийность»... «духовность и соборность»... Нельзя принимать веру — за идеологию, принимать церковь — за идеологическое учреждение. Я много по России ездю — все лучшее, что сейчас есть в провинции, лепится около церковных приходов. Русский человек и духовно, и эстетически спасается только там, все остальное окрест — производство, быт, отдых — безобразны. На Рождество был у меня такой случай: в маленькой недавно открытой церкви, почти еще без икон, с самодельным иконостасом, вчера еще совдеповский склад, сегодня — храм, отстоял службу, в который раз слыша о Вифлеемской звезде, яслух, волхвах, а вернувшись в дом, включил радио и — честное слово! — сразу услышал такую фразу: «На демократическом небосклоне России взошла новая политическая звезда — Алла Гербер». Вот между какими «звездами» теперь приходится выбирать...

— Что ж, каждого ведет своя звезда. И у каждого есть свобода выбора — это уже неполохо. Вот увидело свет первое основательное издание ваших стихов в России. Отличная книга, твердый переплет. Итог когда-то сделанного выбора. Ваши ощущения?

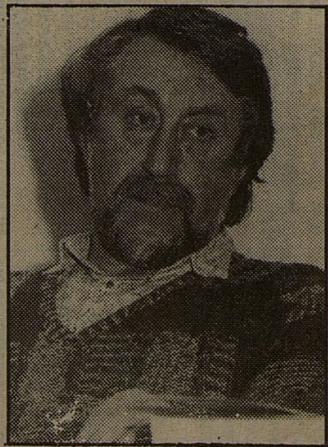
— Мне, чтобы, не дергаясь, писать дальше, такая книга была просто необходима — пусть и небольшим тиражом. И то, что она издана, — заслуга Ирины Антоновой, замечательного книжных дел мастера. Радует, что и издатель мой, и спонсор — оба сравнительно молодые люди — им около тридцати. И что они пошли отчасти на авантюру, на коммерческий риск... Почти два десятилетия мне пришлось работать для совсем узкого круга в 40—50 человек — таковы были возможности самиздата. Но сама география моей судьбы (не совсем по моей вине) обширна до авантюристы: от Рыбинска до Парижа, от Соловков до Афона. Порой — очевидно, из-за разнообразия впечатлений и жизненных положений — мне кажется, что у меня за спиной не одна, а несколько жизней, более-менее связанных по принципу сообщающихся сосудов. Я помню сталинщину, нищих инвалидов войны, растягивающих меха гармошки в надежде на подавание, ползающие по Рыбинску фуры собачников. Каждой своей клеткой, кажется, ощущаю ГУЛАГ, ежедневно перемальвающий тогда много тысяч невинных, — все это отложилось в стихах. Так же, как и совсем другие реалии — чужбинные: галльские, баварские, греческие... Даже самому странно, как все это уважается под одной обложкой...

Надеюсь, очень надеюсь, что одной моей книгой Издательство Московского Клуба не ограничится: у нас сейчас немало поэтов с судьбой еще более сложной, чем у меня. Хотелось бы увидеть книгу стихов Светланы Кековой из Саратова, замечательной петербургской поэтессы Елены Шварц.

Январь, 1995
Москва

ЭСТЕТ ИЛИ МОРАЛИСТ?

Независимая газ. — 1995. — 7 февр.
Юрий Кублановский: «Поэзия — самый бескорыстный и рафинированный вид творческой деятельности»

Поэт Юрий Кублановский родился в 1947 г. в Рыбинске. Окончил искусствоведческое отделение МГУ. Работал экскурсоводом на Соловках, в музее Тютчева в Муранове, под Москвой. К двухлетию высылки Александра Солженицына написал открытое письмо «Ко всем нам», после чего работал уже только дворником, сторожем, истопником. Был одним из основателей СМОГа и принимал участие в альманахе «Метрополь». В 81-м в «Ардисе» вышла книга его «Избранного», которую составил Иосиф Бродский. В 82-м Кублановского выгнали в эмиграцию, одного из последних. И он же в 90-м году первым вернулся в Россию. В январе этого года книга стихотворений Юрия Кублановского «Число» (Издательство Московского Клуба. М. 1994, тираж — 5 тыс. экзemplяров) вошла в десятку интеллектуальных бестселлеров (см. «КО», 1995, № 1). Она единственная представляет в этом списке современную русскую литературу.

сказать, духовного качества, то это не про меня, у меня в этом отношении более традиционная творческая психология, и «одна» красота кажется мне приторной. Но если речь идет о той красоте, какую имел в виду Достоевский: «Красота спасет мир», или Клюев: «Не железом, а красотой спасется русская радость», то да — та к о й красоты я безусловный поклонник.

— **Означает ли это приверженность исключительно традиционалистской поэтике?**

— Мне равно чужды как авангардное разложение формы, постмодернистский паноризм, так и кондовый «реалистический» стих коржавинского, к примеру, типа. Убежден, что настоящее стихотворение в принципе не разгадываемо до конца, оно сберегает тайну — фонетическую, метафорическую, смысловую. За текстом надобно чувствовать энергичное поле, мощный звуковой эфир, собственно в текст сфокусированный только отчасти. У русского стиха, разом простого и таинственного, совершенного и сыроватого, достаточно хрупкая «душевная организация» — нельзя дозволить захватить ее хохмачам. И русская литература в целом должна остаться тем же, чем традиционно была: духовной и эстетической школой, окормляющей человека. Мечталось бы, чтоб она не плодила бесов, а спешествовала скорейшему изгнанию их — из измученного до последнего предела тела России.

— Среди «бесов» находится, с вашей точки зрения, и то, что принято называть массовой культурой. Мне кажется, что вы ее слишком демонизируете. Как говорил Набоков, в откровенной дешевке есть нечто здоровое...

— Нам после многолетнего тоталитарного постничества и казенщины массовая культура кажется даже и в своих крайностях безобидной и человеческой. Но это не так; как и соцреализм, она корыстна в самих своих основаниях, рассчитанных не на творческую самореализацию, но на прибыль. Задействованы колоссальные силы и средства на задачу откровенно циничную, профанирующую искусство как таковое. Мало того, ошибается думающий, что массовая культура внеидеологична, она идеологична насквозь. В конце концов, пропагандируя «красивую жизнь» и псевдомораль, она служит росту и стиму-

ков» и, казалось бы, «ненужных сложностей» на пути одного из важнейших влечений человека, на самом деле являясь одним из мощных таранов, которыми массовая культура XX столетия ударила по вековому зданию культуры. Это особенно заметно в кинематографе, где автор изначально зависим — от продюсера: все эти «основные инстинкты», «9 1/2 недель» и прочая смертельно «протаранили» любовные драмы Антониони, лирическую философию Бергмана... Ну а поэзия, повторяю, как самый бескорыстный и рафинированный род творческой деятельности оказалась вымыта из общества массовой культуры вообще... Неужели мы этого хотим для пытающейся воспрянуть после коммунизма России? Ведь западный мечанин благополучен и стоек, у него есть неплохие прививки от всего, что для нас разрушительно. И массовая культура — проводница, вольная или невольная, нынешнего распада.

— **Ну и какова миссия поэта в такой ситуации?**

— Ощущение миссии рассредоточилось в том напалье духовной анархии, который позволил Александру Солженицыну метко назвать наши нынешние годы желтоколесными. И поэзия почти не имеет спроса, людям не до нее. Прежде поэт ощущал себя едва ли не гуру; его бедность, неприсполненность — были его доблестью, верным признаком того, что

бы поэтом, легче было формироваться, исподволь выстраивать свой творческий, мировоззренческий микрокосм. Ход истории колоссально убыстрился: экс-советского человека буквально плющит во все набирающей обороты исторической центрифуге. На место коммунистической идеологии приходит новая — потребительская, коммерческая, антагонистичная поэзия не меньше прежней. Смолоду душа начинает обучаться разными стимуляторами потребительства... Такому рафинированному виду культурного созидания, каковым является поэзия, в технократической потребительской цивилизации почти уже не находится места. Поэзия всем своим бытием подтверждает существование иерархии ценностей, иерархии мыслей, чувств, нравственных движений — все это нож острый для масс-культуры. У нас этот процесс вымыывания культурной традиции, не доунчиженной коммунизмом, носит особенно драматичный характер, ибо накладывается на бедность и социальную деградацию экс-советского человека, дезориентированного нравственно и ослабленного физически. Какая уж тут поэзия...

— **Вера, христианские ценности, может быть, самый надежный путь к свету. Но и православие может у нас обернуться партийностью. К сожалению.**

— Сергей Аверинцев пожало-

Телевидение

Вторник

7 ФЕВРАЛЯ

1-й канал. «Останкино». 6.30 Утро. 8.52, 9.52, 10.52, 11.52, 12.52, 13.52, 14.52, 15.52, 16.52, 17.52, 18.52, 23.52, 0.52 Новости. 9.00, 13.00 «Мультфильмы». 9.25, 19.30 «Дикая Роза». 10.00 Америка с М. Таратугой. 10.30 М. Равель. «Болеро». 11.05 «Профессия — следователь». 2-я серия. 12.30 «Планета здоровья». 13.20 Что означают ваши имена. 15.00 Предприниматель. 16.00 Домисолька. 16.30 Между нами, девочками. 17.00 Джэм. 17.20 «Элен и ребята». 18.00 Веди. 18.30 Загадка СБ. 19.00 Час пик. 19.55 Тема. 20.40 Спокойной ночи, малыши! 21.00 Время. 21.50 «Пятая печать». Худ. фильм. 0.05 Новые обыватели. 0.30 В мире джаза. 0.52 Пресс-экспресс.

Канал «Россия». 7.00, 8.00, 12.00, 14.00, 17.00, 20.00, 23.00 Вести. 7.05 Ритмика. 7.30 Формула-730. 8.30 Время деловых людей. 9.00 Всемирные новости Эй-би-си. 11.25 Таранг.

Россия». 14.45 Спасение 911. 16.05 Там-там новости. 16.20 Праздник каждый день. 16.30, 18.25 Док. фильм. 17.05 Новая линия. 17.55 Будни. 18.50 Ваше Право. 19.05 L-клуб. 20.25 Подробности. 20.40 «Леди Гамильтон». Худ. фильм. 23.45 ЭКС. 23.55 «Совершенный шпион». 4-я серия.

Московская программа 2x2. 18.00 «Проще простого». 18.30 Подмосковье. 19.30 Лицом к городу. 20.45 «Беллиссима». 22.00 Приглашает Борис Ноткин. 22.30 «Тропическая жара». 23.22 «Жара в Акапулько». 0.30 «Секреты».

«Российские университеты». 8.50 Студия «Рост». 9.20 Фр. яз. 10.45 Рукодельница. 11.00 «Чада Светлой России». 13.30 Док. фильм. 14.35 Око. 14.55 «Так хорошо, что люблю». 15.50 «Дом Мастера, или Фортуна доктора Дапертутто». 16.10 «Менялы». Худ. фильм.

Канал НТВ. 18.00 «Бeverли-хиллз, 90210». 18.30 «Бывшая великая планета Земля». 19.00, 22.00, 0.15 «Сегодня». 19.35 Бодибилдинг. Бальные танцы. 20.10 Мир кино. «Утес лавла». 22.25 «Получи

Санкт-петербургская программа. 7.00 Телеканал «Доброе утро». 13.10, 15.15, 18.10 Мультфильмы. 13.30 Информ-ТВ. Немецкая волна. 14.00 Скорая помощь. 14.30, 20.30 «Мануэла». 15.50 «Дети из отеля «Америка». Худ. фильм. 17.25 Волшебная линия. 17.40 «Ребятам о зверятах». 18.20 ММ и банк. 18.55 По всей России. 19.50, 22.45 Спорт, спорт, спорт... 20.10 Большой фестиваль. 21.15 «Военная музыка». Телефильм. 21.40 Консерватор. 23.00 «Ярославна Королева Франции». Худ. фильм.

TV-6, Москва. 6.00, 8.10, 23.00, 0.10 MTV. 7.00, 17.05, 23.45 Постмузыкальные новости. 7.15, 11.10, 17.50 Аптека. 7.30, 10.45, 18.00, 17.25 Мультфильмы. 7.55 Доброе утро с Л. Лейкиным. 8.30 Си-эн-эн. Новости. 9.00, 13.15 «90x60x90». 9.15, 19.00 «Дежурная аптека». 9.45 Нью-Йорк, Нью-Йорк. 10.15, 18.30 «Дети с улицы...». 11.20 «Мои новости». 12.00, 20.00 «Вариант «Омега». 13.30 «Подставленный». Худ. фильм. 15.00 Программа «Гaudemus». 16.35 Суперкнига: «Все о снах». 19.30 Кинозал. В Штатах. 20.00 «Секреты».

Кублановский Юрий

4.2.95